

*Маркова А.А.,
студент,
4 курс, направление «Юриспруденция»
Оренбургский институт (филиал)
ФГАОУ ВО "Московский государственный
юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)"
Россия, г. Оренбург
Научный руководитель: Кузьмина М.В.,
к.ю.н. доцент*

**ПРИНЦИП ДОБРОСОВЕСТНОСТИ КАК ОСНОВА БАЛАНСА
ИНТЕРЕСОВ В БАНКОВСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ПРАВОВЫЕ
МЕХАНИЗМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ И КОНТРОЛЯ**

***Аннотация:** Статья исследует принцип добросовестности как основу для баланса интересов участников банковской деятельности. В условиях высокой значимости банковских услуг его соблюдение критично для стабильности финансовой системы и защиты прав потребителей. Автором детально анализируются механизмы реализации данного принципа в современной правоприменительной практике. Обосновывается необходимость законодательной детализации стандартов добросовестности как эффективного инструмента снижения правовой неопределенности.*

***Ключевые слова:** Добросовестность, баланс интересов, Центральный банк, защита прав потребителей.*

***Annotation:** The article explores the principle of good faith as a basis for balancing the interests of participants in banking activities. In the context of the high importance of banking services, compliance with this principle is critical for*

the stability of the financial system and the protection of consumer rights. The author provides a detailed analysis of the mechanisms for implementing this principle in modern law enforcement practice. The article argues for the need for legislative specification of good faith standards as an effective tool for reducing legal uncertainty.

Key words: *Good faith, balance of interests, the Central Bank, and consumer protection.*

Банковский сектор является основой современной экономики, обеспечивая функционирование рынков и распределение финансовых ресурсов. Специфика банковской деятельности, связанная с доверием и асимметрией информации, создает потенциальные конфликты интересов. В этих условиях принцип добросовестности становится важным как морально-этическим, так и правовым аспектом для стабильных финансовых отношений.

Историко-правовой анализ показывает, что принцип добросовестности в отечественной юриспруденции прошел сложный путь. После 1917 года произошел отказ от «буржуазных» правовых институтов, что исключило категорию доброй совести из советского права и привело к стагнации частноправовых начал, критически важных для банковского сектора. Тем не менее, теоретический фундамент принципа сохранялся в работах правоведов, таких как И. Б. Новицкий, который подчеркивал добросовестность как мерило поведения участников оборота, включая требования к профессиональным участникам учитывать законные интересы клиентов [1, с. 125].

В советский период принцип добросовестности, как отмечает Г. А. Свердлык, рассматривался через призму социального назначения прав, однако в условиях государственной монополии его применение было ограничено и подменялось административной дисциплиной [2, с. 150].

С кодификацией гражданского законодательства Российской Федерации в 2012 году принцип добросовестности получил новое признание, что закрепило обязанность субъектов действовать добросовестно на всех стадиях правовых отношений. Это стало катализатором концепции «ответственного кредитования» и противодействия злоупотреблениям правом в банковском секторе.

На текущем этапе признание добросовестности как общеправового принципа позволяет перейти от обсуждения его легитимности к анализу механизмов реализации в практике банковского дела. В отсутствие легальной дефиниции принципа в законодательстве продолжается дискуссия о его сущности, что критически важно для правоприменительной практики, поскольку именно через призму этого принципа суды и регулятор (Банк России) квалифицируют действия кредитных организаций как добросовестные или как злоупотребление правом.

В современной цивилистике существует несколько подходов к интерпретации принципа добросовестности, особенно в банковской сфере. С. К. Соломин и Н. Г. Соломина подчеркивают его императивное требование к поведению участников правоотношений на всех стадиях, включая преддоговорные контакты и защиту прав [3, с. 50]. В банковских операциях это означает обязанность банка обеспечивать прозрачность при консультировании клиента и оценке его платежеспособности.

Е. Е. Богданова связывает принцип с надлежащим исполнением обязательств, указывая на важность точного следования духу договора [4, с. 255]. Это соответствует концепции «ответственного кредитования», где нарушение этических стандартов банком рассматривается как злоупотребление добросовестностью.

В. Г. Голубцов акцентирует внимание на соотношении действий с «общим благом» и правами других лиц [5, с. 501]. В банковском секторе, имеющем публичную значимость, это требует от банков не только

извлечения прибыли, но и поддержания устойчивости финансовой системы и доверия вкладчиков.

Таким образом, в банковском праве принцип добросовестности следует раскрывать через категорию «должного поведения профессионального участника», что позволяет трансформировать абстрактные нормы в конкретные стандарты, подлежащие судебному и надзорному контролю.

В доктринальном осмыслении банковских правоотношений добросовестность определяется через объективные критерии «безупречного» поведения (Е. Е. Богданова) [4, с. 304]. Для банков это подразумевает создание профессиональных стандартов (С. К. Соломин, Н. Г. Соломина) [3, с. 49]. К. И. Скловский и А. А. Вишнеvский отмечают казуистичный характер добросовестности, которая оценивается судом как «вопрос факта» в конкретных обстоятельствах [6, с. 278]. Важным аспектом является запрет на противоречивое поведение банков, ограничивающий их право на резкие изменения позиций по отношению к клиентам.

Таким образом, модель добросовестности в банковском праве включает нормативные требования и гибкие судебные критерии, адаптированные к специфике операций. Анализ правоприменительной практики показывает рост недобросовестных практик в банковском секторе: в 2024 году обращения потребителей увеличились на 13,8 % из-за механизмов обхода законодательных ограничений. Ключевым инструментом девиантного поведения стали «суррогаты» страховых продуктов, подрывающие правовые гарантии классических договоров страхования.

Оценка добросовестности в банковском праве обусловлена фактическим неравенством субъектов, возникающим из-за использования банками типовых договоров, высокой информационной асимметрии и профессионального статуса кредитных организаций как «сильной» стороны.

Цифровизация создала новые формы недобросовестности, связанные с регуляторным арбитражем. Банки обходят запреты на производственную

деятельность, выступая посредниками при продаже нефинансовых сервисов.

В таких практиках фиксируются модели правонарушений:

1. Подмена сущности услуги и введение в заблуждение о доходности;
2. Навязывание услуг с низкой потребительской ценностью;
3. Манипулирование выбором клиента в цифровой среде.

Таким образом, добросовестность в банковском праве трансформируется из этического ориентира в инструмент противодействия злоупотреблениям на стыке классического банкинга и цифровых платформ.

Цифровизация и создание банковских экосистем позволяют кредитным организациям использовать правовые лакуны и специфику цифровых интерфейсов для навязывания потребителям несправедливых условий договоров.

Правоприменительная практика, включая решения Верховного Суда Российской Федерации 2023 года, фиксирует использование «технологических уловок» в онлайн-кредитовании. Автоматическое согласие квалифицируется как нарушение Федерального закона «О потребительском кредите (займе)» и проявление недобросовестности. Упрощенный порядок ознакомления с документами в электронной среде признается ненадлежащим исполнением обязательств по раскрытию информации, что требует применения повышенных стандартов защиты «слабой стороны» правоотношения.

Таким образом, принцип добросовестности должен стать практическим инструментом регулирования, так как классическая правовая теория не справляется со специфическими рисками современного банковского сектора.

Ключевыми детерминантами экспансии недобросовестных практик в банковской сфере выступают:

1. Регуляторный обход императивных запретов. Использование банками агентских и экосистемных моделей позволяет им участвовать в

торговой, страховой и производственной деятельности, обходя прямые ограничения.

2. Экосистемная монополизация. Формирование «единых точек входа» под брендом банка размывает границы ответственности и усложняет идентификацию субъекта, ответственного за нарушение прав потребителя.

3. Углубление договорного неравенства в цифровой среде. Переход к преимущественно дистанционному банковскому обслуживанию (ДБО) трансформирует информационную асимметрию в институциональное неравенство. Специфика цифровых интерфейсов минимизирует возможности клиента, создавая для банков условия для скрытой имплементации несправедливых условий и навязывания сопутствующих сервисов.

Текущее состояние правовой доктрины характеризуется отсутствием четких критериев добросовестности, что снижает эффективность судебной защиты прав клиентов. Необходим переход от абстрактной декларации принципа добросовестности к его нормативной конкретизации через создание перечня недобросовестных практик в банковском праве, что обеспечит правовую определенность в отношениях «банк — клиент».

Использованные источники:

1. Новицкий И. Б. Принцип доброй совести в проекте обязательственного права // Вестник гражданского права. 2006. Т. 6. № 1. С. 124–181.

2. Свердлык Г. А. Принципы советского гражданского права. Красноярск : Изд-во Красноярского университета, 1985. 200 с.

3. Соломин С. К., Соломина Н. Г. Добросовестность в гражданском праве : монография. М. : Юстицинформ, 2018. 68 с.

4. Богданова Е. Е. Принцип добросовестности и эволюция защиты гражданских прав в договорных отношениях : монография. М. : Юрлитинформ, 2014. 344 с.

5. Голубцов В. Г. Субъективная добросовестность в структуре общего понятия добросовестности // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2019. Вып. 45. С. 490–518.

6. Скловский К. И. Сделка и ее действие. Комментарий главы 9 ГК РФ. Принцип добросовестности. 4-е изд., доп. М. : Статут, 2019. 278 с.